Павел Барчук
Павел Ларин
книга 4
СМЕРШ
— 1943 —

Павел Ларин
Павел Барчук

СМЕРШ – 1943. Книга четвёртая

Серия «СМЕРШ (Барчук, Ларин)», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73876612

Аннотация

Я не планировал умирать. Так вышло. Теперь я не майор уголовного розыска в 2025 году, а молодой лейтенант накануне величайшей битвы. Задача минимум – бить фашистов и выжить. Задача, максимум – найти врага, готового подарить Рейху технологии будущего.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 19
Глава 3 34
Глава 4 50
Глава 5 66
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Павел Барчук, Павел Ларин
СМЕРШ – 1943.
Книга четвёртая

Глава 1

Подготовку к операции мы начали сразу, хотя до назначенного времени оставалось порядка восьми часов. Для СМЕРШа это и много, и мало одновременно. Назаров, будучи опытным контрразведчиком, понимал: если Воронов лжет, то Гнилое колено – либо идеально подготовленная засада, либо до мельчайших деталей продуманная возможность побега. Оба варианта кроют в себе смертельный риск.

Первым делом Сергей Ильич решил отправить на место «фишку» – скрытый наблюдательный пост для прикрытия тыла. Майор выбрал для этой роли проверенных людей из комендантского взвода при Управлении.

– Сержанта Сорокина ко мне. И пусть возьмет еще двоих. Из тех, кто в войсковой разведке служил или из сибиряков, – велел он дежурному.

Через пять минут в оперативную вошли трое. Сорокин – хмурый мужик лет тридцати пяти, с пустым, тяжелым взглядом. И двое крепких, жилистых ребят, двигавшихся на удив-

ление бесшумно для своих габаритов.

Логика майора была предельно ясна. Для глухой засады нужны те, кто умеет часами лежать в болоте, не дергаясь от укусов гнуса. Кто не выдаст своего присутствия, когда в двух шагах хрустнет ветка.

– Пойдете на подстраховку, – распорядился майор. – Главное – скрытность. Займете позиции в трехстах метрах от точки, за линией отсечки…

Сорокин молча выслушал указания и, спустя час, незаметно покинул Управление вместе со своими бойцами. Им предстояло сделать крюк через лесные балки, занять наблюдательные позиции на дальних подступах. Предварительная задача проста – проверить, не ждет ли нас уже затаившаяся группа Абвера, и осмотреть берег на наличие мин-ловушек.

На этом майор не успокоился. Всё время, пока шла подготовка, он пытался нащупать второе дно в словах Воронова. Сергей Ильич озадачил офицеров радиоразведки, заставив их поднять журналы перехватов за последнюю неделю. Искали любое упоминание «Колена», любой позывной, способный подтвердить или опровергнуть версию арестованного. Результат оказался нулевым, что нервировало Назарова еще сильнее.

Затем он лично заскочил к капитану Левину, продолжавшему потрошить наводчика Зимина. Если бы Зимин знал о Гнилом колене как о запасной точке связи, это стало бы алиби для Воронова. Но Зимин, услышав название, вытара-

щил глаза на майора и поклялся всем семейством, которого у него, конечно же, нет, что впервые слышит о подобном.

Лично я такому повороту не удивился. В отличие от остальных, понимал: Воронова с ефрейтором на самом деле не связывает ничего. Кроме желания Крестовского помочь диверсантам убить Казакова. Зимин понятия не имеет, кто такой Пророк, а потому все возможные «Колена» для него лишь географические точки в районе Свободы.

Котов тоже не сидел без дела. Развернув топографическую карту, он подозвал нас с Карасевым и ткнул пальцем в извилистую синюю жилу Тускари.

– Гнилое колено. Место Воронов выбрал грамотно, сучий потрох. Река там делает резкий излом, подмывая правый берег. Обрыв высокий, метров пять-шесть, чистая глина. А внизу – настоящий котел.

Карасев с умным видом покивал.

– Бывал я там, Андрей Петрович. Гиблое место. Омут такой, что бревна-пятиметровки затягивает. Вода крутит воронкой, а на дне – сплошной коряжник из столетнего топляка. Угодишь туда – всё, поминай как звали. Лес вокруг обрыва – сплошная стена. В трех шагах человека не разглядеть.

В общем-то, место, названное Вороновым, прекрасно укладывалось в мою версию: гнида на этой якобы встрече просто-напросто попытается сбежать. Попутно, уверен, кого-нибудь из нас грохнет. Крестовский, конечно, не Рэмбо, но тело ему досталось опытное, с отличной физической под-

готовкой. А мышечную память, как и намертво вбитые рефлексы, никто не отменял.

Далее началось тактическое моделирование. Котов и Назаров прорабатывали самые худшие сценарии. Группа должна быть готова ко всему. Шум воды в омуте настолько сильный, что голосовые команды там бесполезны. От фонариков отказались сразу – в ночном лесу это верная смерть, диверсанты срисуют свет мгновенно. Договорились использовать старый проверенный способ: «веревочный телеграф». Протянуть по земле между нашими лежками тонкий шнур, чтобы координировать действия системой рывков.

Решали, где ляжет снайпер, а где будет группа захвата. Просчитывали пути отхода на случай, если у Гнилого колена окажется не просто засада диверсантов, а усиленная группа прикрытия. Естественно, в этом случае нам надлежало прихватить с собой как можно больше «языков».

Затем мы приступили к подготовке самого Воронова.

Его обыскали трижды. На всякий случай. Потому как, факт известный, случай реально бывает «всякий». Котов лично прощупал каждый шов, каждый миллиметр гимнастерки, в которой мы взяли предателя. Искал то, что могли упустить при первом обыске. Все-таки Воронов не обычный боец, он опытный сотрудник НКГБ, который знает, как спрятать полезную вещицу. Например, лезвие.

Переодевать гниду в гражданское Андрей Петрович категорически отказался. Логика простая. Если Пророк ждет

сержанта Зуева, появление человека в повседневном пиджаке сорвет явку мгновенно. Однако отправлять Воронова в изорванной, перемазанной кровью и кирпичной пылью форме тоже нельзя.

Выход нашли быстро. Карасев сбегал к интендантам, выбил со склада чистую гимнастерку. Правда, новенькая ткань слишком уж бросалась в глаза складской свежестью. Пришлось форму немного помять и припорошить пылью, чтобы Воронов выглядел как обычный, уставший после смены фронтовой связист.

А вот небольшую хитрость Котов все же применил. Капитан незаметно, буквально на треть, надсёк бритвой затяжной суконный хлястик на галифе. При спокойной ходьбе ткань еще выдержат, а вот при попытке резкого рывка или прыжка порвется окончательно. Бежать по ночному лесу, когда с тебя слетают штаны – весело, наверное, но физически неудобно.

Пока мы возились со снаряжением, Назаров выстраивал бюрократическую оборону. Он ушёл в кабинет и занялся составлением промежуточного отчёта.

Ближе ко времени начала операции, у меня вдруг появился легкий мандраж. Непривычное ощущение. И непонятное. Скорее всего, причина переживаний крылась в моих опасениях, что гнида Крестовский может снова обвести нас вокруг пальца. Как назло опять разнылось плечо. Но я привычно загнал боль в угол сознания.

Вообще, мы все понимали, что эти восемь часов – мед-

ленное натягивание тетивы. Напряжение чувствовалось и со стороны Карася, и со стороны капитана.

Закончили с тактической подготовкой, занялись чисто техническими нюансами. Проверяли каждую гранату, каждую защелку на магазине. В Гнилом колене любая осечка может быть фатальной. Время словно застыло в душном мареве июньского дня, отсчитывая секунды до момента, когда нам, возможно, снова придется действовать не по Уставу ради одной единственной цели. А уж мне и подавно.

В девятнадцать ноль-ноль со стороны улицы раздался гул моторов. Хлопнули дверцы, зазвучали громкие, уверенные голоса. Окно оперативной комнаты как раз выходит во двор и мы прекрасно все слышали. Я подошел ближе к оконному проему. Хотел посмотреть, что там происходит.

У крыльца школы замерли три пыльные «эмки». Незнакомые. Из них выбрались несколько человек. Кто-то с полковничьими погонами, кто-то с майорскими. И один генерал.

Твою ж мать… За всеми этими хлопотами я совершенно забыл о Московской комиссии. А вот она о нас не забыла. И прибыла ровно в то время, которое озвучивал Борисов во время разговора с Назаровым. Когда я подслушивал их с улицы.

Буквально через десять минут в коридоре послышались торопливые шаги. Дверь нашей оперативной комнаты приоткрылась, в щель просунулась физиономия дежурного лейтенанта.

– Товарищ капитан, – запыхавшись, обратился он к Котову, который как раз собирал свой ТТ после чистки. – Там генерал-майор Белов бушует. Прямо с дороги, даже чай пить отказался. Требует немедленно подать ему лейтенанта Соколова. Товарищ майор Назаров пытается его в кабинете удержать, сводками отвлечь, но генерал рвется сюда. Говорит, хочу сына своего товарища увидеть.

Как же все невовремя. Если Белов заявится сейчас сюда, велика вероятность, что я спалюсь на первом же вопросе о какой-нибудь тете Вале или дачной рыбалке. Легенда рассыплется за часы до того, как Крестовский пойдет на дно Тускари. В двух шагах от моего финального рывка.

Я резко поднялся с табурета. Подошел к Андрею Петровичу.

– Товарищ капитан, – голос прозвучал сухо… – Разрешите обратиться с личной просьбой?

Котов отложил тяжелый затвор, внимательно посмотрел на меня.

– Валяй, Соколов.

– Я бы хотел отложить встречу с генерал-майором до завтра.

Дежурный в дверях аж поперхнулся воздухом от такой наглости. Котов прищурился.

– Это как, лейтенант? Предлагаешь передать генералу, что сын боевого товарища видеть его не желает?

– Дело не в этом. Желаю, очень. Все-таки он с детства ме-

ня знает. Не чужой человек. Но… – я изобразил на лице сожаление и досаду. – До операции меньше трех часов, Андрей Петрович. Мне нужна холодная голова. Расслабляться нельзя. Встречи, объятия, воспоминания о детстве… Это сентименты. Они сбивают фокус. Размякну, выбьюсь из боевого ритма – и все, подведу группу. Можно доложить генералу, что лейтенант Соколов готовится к важным оперативным действиям. Все разговоры по душам – только после успешного завершения задания.

Капитан изучал мое лицо несколько долгих секунд. В его взгляде мелькнуло откровенное уважение. Тот самый момент, когда опытный командир группы видит перед собой не желторотого юнца-штабника, присланного по чьей-то протекции, а сформировавшегося оперативника.

– Молодец, – коротко кивнул Котов. – Правильный настрой. Дежурный!

– Я! – вытянулся лейтенант.

– Дуй к Назарову. Передай слово в слово то, что сказал Соколов. Генерал – мужик боевой, он такую причину поймет и оценит. А не поймет – я сам перед ним вытянусь и доложу, что запретил своему бойцу отвлекаться перед выходом на боевые. Выполнять!

Дежурный испарился. Я выдохнул. Отсрочку получил. А после сегодняшней ночи… вообще не факт, что Белов захочет меня видеть. Так-то я планирую убить важного арестанта.

Время снова потекло тягуче и медленно. Сумерки постепенно сгущались, заливая углы оперативной комнаты густыми тенями.

В двадцать один ноль-ноль Котов посмотрел на часы.

– Пора.

Мишка Карасев, сидевший на краю стола, коротко кивнул, с сухим щелчком примкнул диск к ППШ. Я молча поправил кобуру ТТ. Внутри всё звенело от напряжения. Гнилое колено ждёт. Этой ночью Крестовский, наконец, сдохнет. Другого варианта просто нет.

– Идем за арестованным, – скомандовал Котов.

Мы спустились в подвал. Дежурный сержант лязгнул ключами, распахнул тяжелую дверь одиночки. Воронов сидел на топчане, заложив ногу на ногу. Увидел нас, чуть скривил разбитые губы в подобии улыбки. В его глазах по-прежнему читалось то самое невыносимое, высокомерное превосходство человека из будущего, играющего с туземцами.

– Переодевайся и на выход, – бросил Котов.

Карась шагнул в камеру, швырнул прямо на топчан свернутую форму, которую мы подготовили.

Воронов неспеша натянул новую гимнастерку связиста. Оправил складки, ремень.

– Наручники наденете? – издевательски поинтересовался он, протягивая руки. – Или поверите на слово?

– Обойдешься, – отрезал Андрей Петрович. – Лишние блики нам не нужны. Но учти, за тобой следя минимум три

пары глаз. Дёрнешься – получишь пулю. Убить не убьем. Лично я специально постараюсь попасть в самое поганое место, чтоб ты от боли света белого не взвидел.

Мы вышли во двор. Там уже рычала мотором полуторка Сидорчука. Сам Ильич, низко надвинув пилотку, нервно курил у борта. Мы запрыгнули в кузов. Карась устроился прямо напротив арестованного. Я и Котов – по бокам.

До окраины леса добрались быстро. Полуторка замерла, остановившись прямо возле густого кустарника.

– Дальше пешком, – распорядился Котов. – Сидорчук, остаешься в машине. Это – единственный подъезд к Гнилому колену. Так что смотри в оба.

Прошли где-то с полкилометра по едва заметной тропе, остановились. Из темного подлеска бесшумно, словно призрак, отделился силуэт. Сержант Сорокин.

– Всё чисто, товарищ капитан, – едва слышно доложил он, приблизившись к Котову. – Берег пуст, мин и растяжек нет. «Гостей» в квадрате не наблюдаем.

– Добро, – кивнул Андрей Петрович.

До назначенного времени оставалось ровно пятнадцать минут. Котов прекрасно понимал: подводить Воронова к самому обрыву плотным конвоем нельзя. Если Сорокин упустил что-то из виду, если куратор уже сидит в «секрете» на том берегу, он мгновенно срисует лишние фигуры, и явка будет сорвана.

Мы остановились.

– Соколов, Карасев – пошли на позиции на фланги, – скомандовал капитан тихим голосом, – Я страхую со спины, дистанция пять-семь метров от Воронова, укроюсь за тем поваленным стволом. А ты, – он жестко ткнул предателя в спину, – топай к расщепленному дубу. Встань у края, лицом к реке. Не забывай, мы всё видим.

Я и Мишка скользнули вперед, растворяясь в темноте. Влажный воздух густо пах тиной и сырой глиной. Снизу, из-под обрыва, доносился утробный гул воды. Тускарь на этом повороте действительно напоминала закипающий котел.

Карась бесшумно ушел на левый фланг, скрылся в густом орешнике. Я занял позицию правее, опустившись на влажный мох за широким пнем. Котов тенью залег за поваленным деревом недалеко от обрыва.

Воронов пошел один. Его силуэт медленно отделился от лесной тени. Он двигался спокойно, почти расслабленно, пока не замер у самого края пропасти.

Время потекло невыносимо медленно. Двадцать один сорок пять. Двадцать один пятьдесят. Темнота стала гуще. Капитан Воронов замер, опустив руки вдоль туловища. Он вглядывался в стену леса на противоположном берегу. Я плавно извлек ТТ из кобуры. Ладонь привычно обхватила рукоять, палец лег на спуск. Ну давай… давай, гнида… рви когти.

Двадцать два ноль-ноль. Лес молчал. Ни хруста ветки, ни птичьего крика. Только ровный, зловещий шум бурлящего

омута внизу.

Воронов выждал еще пять минут. Для достоверности. А затем… события вдруг резко ускорились.

Я ожидал, что шизик побежит в лес. У него нет другого выхода. Впереди этот чертов омут, в котором любого ждет неминуемая гибель. Сзади – Котов, слева-справа Карась и я. Если грамотно выбрать направление, проскочить можно.

Однако эта сволочь повела себя совсем неожиданно. Воронов резко подался назад, словно отшатнувшись от чего-то в темноте. Котов, среагировав на движение, приподнялся из-за ствола. И тут шизик совершил невероятный по своей скорости маневр. Вместо того чтобы побежать к деревьям, он крутанулся на месте и в два мощных скачка оказался рядом с капитаном. А потом вообще повел себя неадекватно. Хищно бросился прямо на Андрея Петровича. На хрена? Не понятно.

Воронов сшиб Котова с ног, впечатал его спиной в грязь. Раздался сдавленный мат старшего оперуполномоченного, треск ломаемых веток и… отчетливый звук рвущейся ткани. Хитрость Котова сработала! Подрезанный хлястик на галифе диверсанта не выдержал резкого рывка и лопнул.

Завязалась короткая, яростная возня. Крестовский, кувыркнувшись несколько раз в объятиях капитана, резко вскочил на ноги, но запутался в собственных сползающих штанах. Это стоило ему драгоценной секунды. Даже не попытавшись завладеть оружием, он рванул обратно к краю об-

рыва, на ходу подхватывая галифе.

– Стоять, гнида! – заорал Карасев слева, так виртуозно перепрыгнув через куст, что где-то в горах заплакал от обиды горный баран.

Силуэт Воронова метнулся к краю пропасти. Он оттолкнулся от глинистого выступа, раскинув руки для прыжка. Время замедлилось. Реально. Просто остановилось в моменте.

Я не стал кричать. Не стал тратить время на предупреждения. Мой палец плавно, без рывка, выжал спусковой крючок. ТТ рявкнул оглушительно громко. Почти одновременно с моим выстрелом слева грохнула короткая, злая очередь из ППШ Мишки. Свинец вспорол ночной воздух.

Раскинутые в прыжке руки Воронова дернулись. Его тело неестественно выгнулось прямо в полете. Короткий, обрывистый вскрик утонул в шуме реки. Темная фигура камнем полетела вниз, прямо в ревущее черное жерло Гнилого колена.

Тяжелый всплеск ударил по нервам.

Стиснув зубы от резанувшей плечо боли, я выскочил из-за пня и в три огромных скачка оказался на самом краю обрыва. Внизу бесновалась вода. Белесая пена закручивалась спиралями, исчезая в прожорливой воронке. Никаких следов. Ни тела, ни головы. Ничего.

Пальцы намертво сжали рукоять пистолета. Я должен быть уверен. Эта тварь слишком живуча. Вскинул ТТ и три-

жды выстрелил в центр бурлящего котла.

– Сдохни, сука, – выдохнул сквозь зубы.

Холодная ярость бурлила во мне не хуже того самого омута. Надо спуститься. Надо проверить. Я подался вперед. Собирался съехать по скользкой глине вниз.

Жесткий рывок за воротник гимнастерки не дал этого сделать. Меня с такой силой отшвырнуло назад, что я рухнул на спину, больно приложившись затылком о корни.

– Сдурел, лейтенант?! – рявкнул Карась, нависая надо мной. – Куда ты лезешь?! Там омут! Затянет под топляк, не выплывешь! Никто не выплывет!

– Отпусти! – я попытался вывернуться, но Мишка держал мертвой хваткой.

– Отставить! – раздался хриплый голос Котова.

Капитан, тяжело дыша, выбрался из кустов. Лицо перемазано грязью, форма на груди разорвана. Поскольку маскироваться больше не имело смысла, он достал трофейный фонарик и подошел к обрыву, осторожно заглядывая вниз. Желтый луч безрезультатно скользнул по черной, закручивающейся воде.

– Готов, – глухо констатировал Андрей Петрович, вытирая кровь с разбитой губы. – Я видел, как его дернуло. Там не одна пуля вошла, точно. Плюс падение с такой высоты прямо в воронку. Оттуда живым не выбраться. А уж с ранением – тем более.

Капитан повернулся к нам, щелкнув кнопкой фонарика.

Взгляд старшего оперуполномоченного был тяжелым, мрачным.

– Застал он меня врасплох. Как дикий зверь прыгнул… – Котов сплюнул. – И ведь если б не штаны, ушел бы чисто, сука. Выбора у вас не было. Молодцы, что среагировали.

Карась отпустил мой воротник, встал на ноги.

– Чьи пули его достали? Мои или твоя, Соколов? – тихо спросил он.

– Какая теперь разница, – я с трудом поднялся с земли, игнорируя ноющую боль во всем теле. – Главное, что Пророк сюда так и не пришел. Знаете, товарищ капитан… – я повернулся к Котову. – У меня есть подозрение, основанное на некоторых моментах, что Воронов и был Пророком. Вся эта «встреча» изначально планировалась им как побег.

Котов мрачно усмехнулся, глядя на реку:

– Подозрение? У меня, Соколов, теперь есть уверенность, что все именно так. Если Воронов и правда Пророк… Туда ему и дорога. Собаке – собачья смерть.

Я тоже смотрел на темную, равнодушную воду Тускари. По логике вещей, выжить там с пулевым ранением невозможно. Операция СМЕРШа закончилась гибелью арестованного. Угроза трибунал, рапорты, крики Назарова – всё это ждало нас впереди. Но уже не имело значения.

Глава 2

Я пришел к выводу, что в 1943 году больше всего меня выматывает бесконечная тряска по фронтовым дорогам. Это просто какой-то День сурка, если честно. Мотыляешься по кузову в одну точку, потом точно так же отстукиваешь зубами чечётку – в другую.

Естественно, обратный путь в Свободу снова выглядел как аттракцион «Не дай своим внутренним органам превратиться в отбивную». Еще, конечно же, разболелось чертово плечо. Правда, на этот раз обошлось без открывшегося кровотечения.

Я сидел на полу, привалившись спиной к деревянному борту, и смотрел в темноту. Думал. Прокручивал в голове сцену на обрыве. Разбивал ее на короткие, покадровые фрагменты, чтобы вспомнить каждую секунду.

Крестовский – профессионал. Долбаный гений из будущего, шизик с фанатичной идеей изменить ход войны. Тело ему досталось наивысшего качества. Воронов – опытный чекист, не штабной работник а, как про таких принято говорить, настоящий «полевой волкодав». У него рефлексы – закачаешься. То есть симбиоз вышел максимально опасный.

Крестовский ничего не делает на эмоциях. Каждый его шаг подчинен жесткой, прагматичной логике.

И вот этот прагматик стоит на краю обрыва. Впереди –

бурлящий котел Гнилого колена. Сзади – трое вооруженных оперов. План побега предельно прост – прыжок в воду, течение уносит под коряги, пули не достают. Рискованно? Ясен хрен! Но при наличие тех навыков, что имеются у тела Воронова, в принципе, все возможно.

Но что делает Крестовский перед прыжком? Он резко разворачивается и бросается на Котова.

Зачем?

Перекрыть сектор обстрела? Да, это логично. Сбить с ног старшего группы, создать суматоху, выиграть долю секунды. Но было в его броске что-то еще. Что-то неправильное. Крестовский не просто толкнул капитана. Он повалил его, впечатал в грязь, завязал короткую драку. Покувыркался вместе с ним. А потом мгновенно вскочил и побежал к обрыву.

Шизик не пытался вырвать оружие или свернуть Андрею Петровичу шею. Хотя мог бы попробовать. Он просто сократил дистанцию до нуля.

Я завис, уставившись в одну точку. По спине медленно скатилась капля холодного пота. Суть маневра стала предельно ясна. Крестовскому требовался физический контакт с Котовым. Это была спланированная, расчетливая акция.

За каким чертом? В душе не имею ни малейшего понятия. Поступки шизика сложно объяснить разумному человеку.

Одно могу сказать точно. Вряд ли он рассчитывал завладеть телом капитана. Это технически невозможно. Треклятый Колокол остался там, в 2025 году, а без него подобные

фокусы не пройдут. Да и с ним тоже.

Когда я вел дело двинутых реконструкторов, мне пришлось лопатить специфические архивы. В том числе заявления одного польского журналиста, Витковского, который копался в показаниях эсэсовцев по секретному проекту «Хронос». В то время мне его писанина показалась первостатейным оккультным бредом. Поэтому не особо вчитывался в детали относительно работы механизма. А зря.

Но при этом в памяти отложился один нюанс… В документах нацистских ученых четко оговаривалось, массивная бандура открывает пространственный пробой только в одну сторону. Билет в один конец. Если хочешь вернуться – будь добр, создай такую же махину на другом конце пробоя, то есть в 1943 году.

Крестовский переместился сюда окончательно, сжег мосты. Менять носителей и прыгать по чужим головам он не сможет. Но при этом в работах фашистов не было упоминаний о переносе предметов. На такой успех фрицы точно не рассчитывали. А шизик притащил в 1943 год как минимум две вещи. Инсулин и фотографию.

Тут есть только одно объяснение. Крестовский оказался умнее фашистских фанатиков и доработал их приблуду. Но даже в этом случае, перескакивать с одного человека в другого, как блоха, Крестовский вряд ли сможет. Колокол пробивает время, он не работает в направлении «здесь и сейчас».

В общем эта версия отпадает. И она, кстати не самая худ-

шая. Есть еще две.

Первая – вытащить что-то из карманов капитана. Запасной магазин к ТТ? Нож? Документы? Нет… Бред какой-то.

Вторая – наоборот, что-то подбросить. Например…

Сука! Например докладную записку с подробным пояснением, что лейтенант Соколов никаким лейтенантом вовсе не является. А дальше – список вопросов, которые позволят определить фальшивую личность Алёши. Ну или прямо конкретные факты.

Как ни крути, я шизику знатно мешаюсь под ногами. Он, конечно, все это превратил в игру, в попытку потешить собственное раздутое эго, но, скажем прямо, если лейтенант Соколов исчезнет, Крестовскому в разы легче будет воплотить задуманное.

Я осторожно покосился на Котова. Сидит, пялится в одну точку. Предвкушает, что ждет нас по возвращению в Управление. Молча курит всю дорогу и думает. Собственные карманы Андрей Петрович не проверял.

Тут же пришла еще одна нерадостная мысль.

Темная вода Тускари проглотила тело. Ок. И кто-то из нас, я или Карась, ранили гниду. Но при этом никто не видел трупа. Крестовский тот еще аферюга глобально-злодейского масштаба. Если он реально ранен и его утащило под коряги – всё супер. А если он снова развел нас? Меня развел? Типа, пусть Волков угомонится, успокоится, поверит, что все закончилось…

Черт. Эта тварь могла выжить.

Я снова покосился на Котова, потом посмотрел на мрачного Карася, который сидел напротив. Нет. Такие мысли пока надо держать при себе. Скажу Котову, что диверсант мог выжить после нескольких пуль и падения в омут, потому что он хитрожопая сволочь из будущего и знает больше, чем остальные, – сочтут за психа.

За этими размышлениями я не заметил, как мы въехали в Свободу. Полуторка резко затормозила во дворе Управления.

– Прибыли, – глухо бросил Котов, спрыгивая на землю. – Сразу идем к майору Назарову.

– Есть! – рявкнули мы с Карасёвыми, но, что вполне понятно, без особого энтузиазма.

Мы поднялись на нужный этаж. Капитан постучал, спросил разрешения.

Сергей Ильич сидел за столом. Перед ним стояла пустая кружка из-под чая, лежала раскрытая папка. Он молча уставился в нашу сторону, наблюдая, как Котов, Карась и я выстраиваемся перед ним в шеренгу.

– Надеюсь, Воронов вместе с Пророком дожидаются меня в камере? – спросил майор таким тоном, будто уже предчувствовал ответ.

– Капитан Воронов был ликвидирован при попытке к бегству, – сухо доложил Котов. – Встреча сорвана. Куратор не появился. Сорокин прочесал весь квадрат до обозначенно-

го времени. Мы – после. Арестованный оказал физическое сопротивление, сбил меня с ног, попытался сбежать. Пришлось стрелять. Он получил ранение, предположительно не одно. Потом упал в омут Гнилого колена. Тело затянуло воронкой. Осмотр берега результатов не дал.

В кабинете повисла мертвая тишина. Назаров медленно поднял правую руку, провел ладонью по лицу.

– Ликвидирован, – повторил он ровным голосом. – Ликвидирован… А знаете… Я вот совсем не удивлён отчего-то. Вы же не умеете так, чтоб ровненько. У вашей группы результативность то вверх скачет – генералов спасаете, командующих фронтом. То вниз – трупы множатся, арестованные дохнут. Вчера товарища генерал-лейтенанта Казакова из немецкой засады вытащили, сегодня – Воронова просрали с Пророком. Все закономерно. Ох, я и дурак…

Назаров поднялся из-за стола, подошел к окну. Замер возле него, заложив руки за спину. Взгляд у него при этом стал такой несчастный, то я даже почувствовал что-то наподобие угрызений совести.

– Ох, и дурак… – повторил Сергей Ильич, глядя сквозь стекло на улицу, – Надо было вспомнить про вашу статистику. Что успех с провалом чередуются. И отправлять другую группу. Какую угодно. Точно тогда бы все получилось… А вообще…

Назаров повернулся к Котову.

– Интересная у вас арифметика получается, Андрей Пет-

рович. Шесть человек. Трое опытных оперативников, трое бойцов комендантского взвода. И один безоружный арестованный. Скажи мне, как этот былинный богатырь умудрился раскидать вас всех и куда-то там побежать. А потом… – майор поднял указательный палец вверх, будто хотел привлечь наше внимание именно к следующим словам, – А потом, будучи раненным, он прыгнул в омут Гнилого колена. Наверное подумал, зачем товарищей оперативников мучать, заставлять гоняться за мной? Возьму-ка я да и сам утоплюсь. Отсюда же никто живым не уходил еще, из омута. Аааа… Нет! Понял. Вы там с Вороновым хороводы водили. А потом вежливо ему дорогу к обрыву уступили?

– Товарищ майор, он… – начал было Карасев.

– Молчать! – оборвал Назаров капитана. – Ничего не хочу слушать. Никаких оправданий. Вы уничтожили единственную нить. Воронов был ключом к Пророку, а вы его просто утопили. Без допроса следователя. По факту – убит кадровый офицер госбезопасности, подозреваемый в измене. Вот чисто ради интереса спрошу… Вы понимаете, как это выглядит? Вам всем грозит расстрельная статья. Вас к стенке поставят за намеренное устранение важнейшего фигуранта. И я ничем не смогу вам помочь.

Внезапно в дверь коротко, требовательно постучали. Тут же створка распахнулась, хотя Сергей Ильич не успел отреагировать на стук.

На пороге стоял следователь Шульгин. Все такой же бле-

вотно-прилизанный.

– Разрешите, товарищ майор?

Шульгин переступил порог кабинета, вошел в комнату. Рожа при этом у него была настолько довольная, что сразу становилось понятно, эта очкастая гнида уже в курсе случившегося. Либо подслушивал под дверью, либо просто сделал правильные выводы, когда мы вернулись без Воронова. Поди сидел у окошка и выглядывал во двор, в надежде напиться нашей крови. А тут – такой подарок прилетел.

– Позвольте поинтересоваться, а где же арестованный капитан Воронов? Помнится ваш лейтенант… – колючий, злой взгляд следователя на мгновение метнулся ко мне, но тут же снова вернулся к Сергею Ильичу, – Уверял, будто вечером состоится контролируемая явка. Созрел вопрос… Это что же за контроль такой у оперативного отдела? Что за явки странные, на которых арестованные исчезают?

Шульгин прошел вперед, прямо к столу Назарова. По пути будто «случайно» задел плечом Карася. Остановился, вылупился на майора, который по-прежнему находился возле окна.

– Вы куда дели важнейшего подследственного? Свидетеля, способного назвать имена немецкой агентуры в штабе фронта. Товарищ майор, могу я задать этот вопрос капитану Котову?

– Он попытался сбежать, – сухо ответил Андрей Петрович, не дожидаясь, пока старший следователь обратиться на-

прямую к нему. – У нас не было выбора. Пришлось стрелять. Воронов погиб.

– Выбор есть всегда, капитан, – Шульгин поправил очки, посмотрел на Котова, На губах следователя играла мерзкая улыбочка. – Можно было стрелять по ногам. Можно было скрутить. Трое вооруженных оперативников против одного безоружного – по-моему вполне простая арифметика. Но вы предпочли выстрелить в спину и скинуть тело в омут, где его никто не найдет. Очень удобно. Идеальная схема, с помощью которой можно спрятать концы в воду. Буквально.

Карась еле слышно втянул воздух сквозь сжатые зубы. Впрочем, честно говоря, я и сам охренел с того, как быстро этот очкастый мудак определил нашу вину. То есть, не просто были вынуждены стрелять, а грохнули Воронова специально, а потом еще скинули его тело.

Примечательно – в присутствии Шульгина о том, что шизик улетел в омут, речи не шло. А он это только что сам озвучил. Точно подслушивал, гнида очкастая.

Заявление старшего следователя взбесило не только нас. Назаров, который пят минут назад разговаривал спокойным голосом и не краснел лицом, резко изменился. Он оторвался от окна, сорвался с места, в два шага оказался возле следователя. Тут же по физиономии Сергея Ильича пошли те самые долгожданные малиновые пятна.

– Шульгин, не забывайся, – процедил Назаров с еле сдерживаемой злостью, – Ты обвиняешь моих оперативников в

предательстве?

– Я констатирую факты, Сергей Ильич, – следователь нагло уставился на майора. – Вы самовольно, без согласования с положенными инстанциями, вывезли государственного преступника в лес. Якобы на встречу. Встреча не состоялась. Преступник мертв. Тела нет. Вы понимаете, что вся группа должна быть немедленно арестована?

Шульгин чуть вздернул подбородок. С вызовом посмотрел на Сергея Ильича.

– Товарищ майор, как старший следователь Управления, требую, чтобы вы немедленно приказали вашим подчиненным сдать личное оружие. Я прямо сейчас иду писать рапорт начальнику Управления на отстранение капитана Котова и его группы от оперативной работы и возбуждение уголовного дела.

В общем-то стало понятно, ситуация ухудшается с каждой секундой. А самое хреновое – очкастую гниду просто так на хрен не пошлешь. Так-то он действует строго по инструкции. Нам всем светит трибунал.

Я сделал шаг вперед. Встал между Котовым и Шульгиным.

– Товарищ майор, – смотрел только на Назарова, полностью игнорируя следователя. – Разрешите доложить оперативные соображения?

Назаров нахмурился, но в глубине его глаз я заметил нечто отдаленно напоминающее надежду. Сергей Ильич по-

нял, если я решил вылезти со своим ценным мнением, значит у меня есть идея, как выкрутиться.

– Валяй, Соколов, – коротко приказал майор.

– Что за цирк?! Какое, к чертовой матери, соображение? Вы уже насоображали! – возмутился Шульгин. – Оружие на стол, лейтенант!

– Оружие отдам только по приказу своего прямого командира, – отрезал я. Повернулся к Назарову. – Сергей Ильич. Мы не провалили операцию. И мы не убили свидетеля. Мы физически уничтожили главу диверсионной резидентуры Абвера. Человека, который скрывался под псевдонимом Пророк.

В кабинете стало так тихо, что я услышал, как во дворе какой-то водила материт интенданта. Шульгин презрительно фыркнул.

– Лейтенант, вы в своем уме? – скривился следователь. – Капитан Воронов признался на допросе, что он завербованный агент. Пешка. Пророк – это его куратор. Я в курсе того, что он говорил. Вы пытаетесь прикрыть свое преступление дешевой сказкой?

Я проигнорировал Шульгина. Все мое внимание было сосредоточенно на Назарове. Если он поверит, то не даст старшему следователю реально подвести нас под трибунал. В конце концов, Котов же сказал, у Сергея Ильича хорошие отношения с Абакумовым. Но для того, чтобы майор рискнул спасти наши задницы, он должен четко понимать – мы

не накосячили.

– Вспомните допрос, товарищ майор, – продолжил я, – Вспомните, как он говорил. Что он говорил. Воронов – кадровый чекист, из правильной семьи, с безупречной анкетой. Таких не вербуют деньгами или угрозами. Таких вербуют идеей. И он эту идею озвучил. Но как он ее озвучил? Как пешка, которую дергают за ниточки? Нет. Он рассуждал о геополитике. О сепаратном мире. О том, как после победы будут строить новую власть. О Жукове. Откуда у рядового агента такие глобальные, детальные мысли о послевоенном переустройстве аппарата управления армией? Откуда такая уверенность в том, как именно товарищ Сталин поступит с маршалами? Это не слова завербованного дурачка. Это слова идеолога. Архитектора. Того, кто сам придумывает схемы и промывает ими мозги таким, как ефрейтор Зимин или убитый сержант Зуев.

Назаров нахмурился еще сильнее, но уже более задумчиво. Он переваривал и анализировал мои слова. Хотя во взгляде Сергея Ильича имелась весьма немаленькая доля сомнения. Всего лишь несколько часов назад я с таким же пылом убеждал его совершенно в обратном. Что Воронов Пророком быть не может. А тут вдруг резко переобулся.

– Продолжай, Соколов, – коротко приказал майор.

– Второе, – я загнул палец на здоровой руке. – Маскарад с формой связиста. Вы же понимаете, версия с тем, что надо было заткнуть дыру и занять место настоящего Зуева, не

выдерживает никакой критики. Для Пророка капитан Четвёртого отдела НКГБ в сто тысяч раз полезнее связиста. Возможностей больше. Пророк никогда не променял бы первое на второе. Если только… – я сделал многозначительную паузу, – Если только Воронов сам не является Пророком. Он дирижер этого спектакля и сам решает, в каком месте ему лучше находиться. И третий факт. Гнилое колено – гиблое место. Обрыв, водоворот. Местные туда не ходят. Воронов назвал его как место встречи не для того, чтобы сдать куратора. Просто это единственный гарантированный путь отхода, где тело невозможно найти. Он планировал рывок в реку с самого начала. Драка с товарищем капитаном была нужна только для того, чтобы выиграть секунду перед прыжком. Отвлечь нас и не дать выстрелить в спину. Но… товарищ капитан подрезал хлястик на галифе предателя и он секунду, которую выиграл, упустил. Еще сверху две потерял. Именно поэтому мы смогли его убить.

Я специально говорил о смерти шизика, как о факте. Не ранили и он утонул. А убили. Сразу. То есть Пророк мертв и по-другому быть не может.

– Он изначально привел нас туда, чтобы сбежать. Пытался манипулировать нами. Если бы мы промедлили хоть на секунду – он бы ушел. Это опытный, хитрый, идеологически подкованный враг. То, что я открыл огонь на поражение – не ошибка, а единственное верное оперативное решение, которое предотвратило побег резидента Абвера.

Стоило мне произнести последнюю фразу, Мишка моментально напрягся. Бросил в мою сторону недовольный взгляд. Но тут же получил короткий, незаметный остальным тычок от Котова.

Капитан сразу понял, почему я упомянул только себя. Почему не сказал при Шульгине, что стреляли двое. Если очкастая гнида услышит о выстрелах старлея, его будет не остановить. Он такую возможность уничтожить Карася, никогда не упустит.

– Мы отрубили гидре голову, – мой голос звучал максимально уверенно. – Как вы уже знаете, сразу после случившегося прочесали весь квадрат и подходы к нему. Ничего. Никого. Не было никакого Пророка. Вернее он был. Сам Воронов и есть голова этой диверсионной сети.

Шульгин рассмеялся. Сухо, неприятно, очень похоже на карканье вороны.

– Потрясающе, лейтенант! – следователь похлопал в ладоши. – Просто потрясающе. Вы на ходу сочинили складную теорию, чтобы оправдать убийство! Какая удобная версия. Жаль только, нет возможности доказать ее. И трупа, кстати, тоже нет. А вот факт превышения полномочий – есть.

Шульгин снова переключился на Назарова.

– Товарищ майор, я требую…

Что там очкастая гнида требует, стало как-то неинтересно. Потому что его прервали. Дверь кабинета резко распахнулась. На этот раз без стука.

В проеме стоял высокий, немного полноватый человек в генеральском кителе. Лицо обветренное, изрезанное глубокими морщинами. На груди – медали и несколько орденов. Взгляд тяжелый, властный. Смотрел он только на меня.

Генерал-майор Белов, так понимаю. Узнал о возвращении группы и примчался сам.

– Что за базар развели в ночное время, товарищи? – рокочущим басом спросил Белов, переступая порог. – На весь коридор кричите. Вы здесь шпионов ловите или на привозе торгуетесь?

Все присутствующие моментально вытянулись по стойке смирно. Особенно Шульгин.

Генерал усмехнулся. Тяжелый, грозный взгляд внезапно смягчился, в нем промелькнуло что-то теплое, почти отцовское.

– Алексей… – тихо сказал Белов и сделал шаг ко мне. – Соколов. Вымахал-то как, возмужал… Вот и свиделись…

Глава 3

Шульгин так проникся значимостью момента и возможностью, наконец, прижать группу Котова, что допустил большую ошибку. Заговорил сразу же, как только появился Белов. Зря он это сделал. Дурачок. Не чувствует атмосферы. Не умеет «читать» собеседника. При его крысиных замашках – крайне необходимый навык.

– Товарищ генерал-майор, – очкастая гнида сделал шаг к новому участнику нашего междусобойчика. – Разрешите обратиться? Эта оперативная группа только что совершила тяжелое должностное преступление. Они самовольно…

Белов медленно повернулся в сторону следователя. Взгляд у генерала был такой, что Шульгин подавился словами. Он как-то странно булькнул горлом и замолчал.

– Капитан… Я к тебе обращался? – поинтересовался генерал.

Его голос звучал тихо, но при этом интонация ясно давала понять, какой должен сейчас последовать ответ.

– Никак нет, товарищ генерал-майор, – снова «булькнул» следователь.

– Тогда будь добр, закрой рот. И стой молча, пока старший по званию не задаст тебе вопрос. Развели тут, понимаешь, бардак. Обычный капитан лезет к генералу со своим мнением, когда его никто не спрашивал.

Белов нахмурился, обвел взглядом тесный, прокуренный кабинет Назарова. Посмотрел на грязного Котова. На сильно напряженного Карася. На еще больше охреневшего Шульгина.

– Сергей Ильич, – генерал обратился к майору. – Оставьте нас с Соколовым. Мне нужно поговорить с лейтенантом. Наедине.

Тон Никиты Львовича стал мягче, но все равно было понятно – он не просит, а приказывает. Просто чуть более вежливо, чем могло быть.

Назаров кивнул. По-моему, даже обрадовался. Для него это была короткая передышка. Шанс оттянуть время перед теми последствиями, которые, конечно же, неизбежны.

– Товарищи оперативники, на выход, – скомандовал майор, а потом с откровенным удовольствием добавил, – Товарищ старший следователь тоже.

Все присутствующие весьма резво двинулись к выходу. Шульгин шел последним. Даже в такой мелочи он постарался выделиться. Перед тем, как переступить порог, очкастая гнида бросила в мою сторону многозначительный взгляд. В этом взгляде было отчетливое обещание расплаты. За все. За то, что я морально нагнул его в подвале. За то, что не кинулся налаживать мосты с таким важным человеком. Ну и естественно, за неуместную, с точки зрения следователя, заботу Белова.

Я проигнорировал жалкие потуги Шульгина. А вот в спи-

ну Котову смотрел очень внимательно.

Забрал или подкинул? Что? Что сделал шизик? Теоретически, у него с собой ничего не было. Капитан лично проверил Воронова. Но… Это же такая хитрая тварь, которая сподобится навалить кучу дерьма мне на голову, даже не имея для этого возможностей.

Дверь закрылась. Мы с генералом остались в кабинете вдвоем.

Он прошел к столу Назарова. Тяжело опустился на стул. Достал из кармана кителя портсигар, щелкнул крышкой. Вытащил папиросу, размял гильзу.

– Не закурил еще? – Никита Львович протянул портсигар мне.

Вообще, в прошлой жизни я дымил как паровоз. А вот в новой – чего-то не задалось. Не тянет. Наверное дело в том, что настоящий Соколов был противником этой дурной привычки. Ну или просто некогда. Реально. То стреляем мы, то стреляют в нас. То взрывается что-то, то бежим, сломя голову за диверсантами. Пару раз «баловался», но больше по старой памяти. И то не в радость.

Хотя мои товарищи, Карась и Котов, папиросу изо рта почти не выпускают. Назаров тоже. Тут вообще все курят, как не в себя. Впрочем, если учесть, где мы находимся, странно, что не пьют беспробудно.

Однако строить из себя святую невинность я не стал. К тому же подобные моменты вроде как объединяют. Чисто пси-

хологическая фишка. Постоять или посидеть, как в нашем с генералом случае, подымить, поговорить за жизнь.

Белов чиркнул спичкой. Глубоко затянулся. Сизый дым поплыл вверх, к потолку. Никита Львович рассматривал меня сквозь этот дым. Внимательно. Изучающе.

– Садись, Алексей, – он кивнул на свободный стул. – В ногах правды нет. Чего ты как неродной? При посторонних я для тебя, конечно, товарищ генерал-майор. Но наедине-то по-свойски можно.

Я подтянул стул прямо к столу, сел. В здоровой руке мял папиросу. Типа, нервничаю, но несильно. Боюсь разочаровать «благодетеля», который меня в СМЕРШ засунул. Вернее не меня, конечно. Соколова. Это же Белов постарался, чтоб лейтенант из шифровальщиков резко переквалифицировался в оперативника.

– Заметно изменился ты, парень, – Никита Львович покачал головой. – Возмужал. Взгляд другой стал. Взрослый, суровый. Смотришь совсем иначе. Я даже немного переживал, когда сюда ехал. Думаю, как там Алексей? Действительно ли такие дела творит, как про него рассказывают. Да-да, не удивляйся. Конечно, наслышан. Да и ты, думаю, в курсе, почему меня сюда прислали. Насчет Мельникова возникли вопросы. Серьезные. Хотя… – Белов усмехнулся, подмигнул и махнул рукой, – О делах потом, Давай сначала о тебе. Матери пишешь?

Началось. Генерал закинул первую удочку. Обычный бы-

товой вопрос. Вроде бы. А может и не обычный вовсе. Так-то всего день назад Назаров с Борисовым обсуждали мою персону в контексте проверки Беловым. Радует одно – физиономию генерал уже признал. Значит подмена, за которую переживали подполковник и майор, исключается.

Я опустил глаза. Смял папиросу. Сделал глубокий вдох, словно собираюсь с силами.

– Товарищ генерал-майор… – голос прозвучал глухо. – Никита Львович…

Рискнул. Назвал по имени, как мог бы назвать сын близкого друга. И угадал. Белов вздрогнул. Лицо его неуловимо изменилось. Стало мягче. Будто он именно этого и ждал.

– Вам скажу правду, потому что врать товарищу отца – последнее дело… – я оглянулся на дверь, словно опасался, что наш разговор могут подслушать. Например, одна очкастая сволочь. – После контузии у меня с головой не все в порядке. Вернее так-то она хорошо соображает. Голова. Даже наоборот. Многие умения и знания пригодились в контрразведке. Представить не мог, что получится настолько хорошо вписаться в группу Котова. Но вот с воспоминаниями… Тут беда. Не помню почти ничего из прошлой жизни.

Белов нахмурился. Папироса замерла в его руке.

– Что значит – не помнишь? Как не помнишь? – генерал растерянно моргнул. Похоже, у меня получилось удивить старого чекиста.

– Да вот так… – я пожал плечами, – Контузия, в ней де-

ло. Снаряд лег в трех метрах. Меня засыпало землей. Откопали свои. В госпитале валялся несколько дней. Выжил. Но память… Выжгло.

Я сделал паузу. Белов молчал. Слушал.

– Помню, как ехали. Воронова этого рядом с собой помню. Ну… капитан тут один объявился. Воскрес из мертвых и оказался предателем. Вас, наверное, уже ввели в курс дела. Помню, что вел он себя странно. Взрывы, налёт – все в деталях рассказать могу. А вот мирная жизнь… Пустота. Воспоминания из детства стерты. Имена стерты. Даже лицо матери вспоминаю с трудом, оно какое-то размытое. Нет, если увижу, конечно, узнаю. Как вас. Вот вы вошли и я сразу понял – дядя Никита. В момент в голове будто просветление случилось.

Генерал медленно затушил недокуренную папиросу о пепельницу Назарова. Его взгляд стал тяжелым, но в то же время понимающим.

– Врачам говорил? Майору докладывал? – тихо спросил Никита Львович.

– Никак нет.

– Почему?

Я подался вперед.

– Спишут! Комиссуют подчистую. Или отправят в глубокий тыл бумажки перекладывать. А я не хочу в тыл. Хочу бить фашистов. За Родину, за мать, за отца, за всех советских людей. От меня, видите, польза все-таки есть. Научил-

ся вычислять врагов. Хорошо получается, говорят. СМЕРШ – это мое место. Если товарищ Назаров узнает о провалах в памяти, он меня выкинет из контрразведки сразу. Никто не будет держать бракованного оперативника. Но суть в том, что на службу как раз это никак не влияет. Наоборот, голова сейчас соображает в разы лучше. Только с прошлыми воспоминаниями туго.

Я смотрел на Белова, не отрываясь. Буквально сверлил взглядом его физиономию. Он – друг отца Соколова. Батя лейтенанта погиб в Испании, это мы в курсе. Значит сам генерал тоже должен был хорошо повоевать. И в гражданской, и на каком-нибудь Халгин-Голе. Вот она, болевая точка, на которую надо давить. Боец бойца должен понять.

– Вы знали отца, Никита Львович. Знали, каким он был. Прошу вас. не говорите Назарову. Оставьте меня на фронте. Я должен внести свой вклад в борьбу с фашисткой заразой. Иначе жить спокойно не смогу. Особенно теперь, когда попробовал, что это такое – настоящая «полевая» служба. Вон, мальчишки в партизанские отряды идут. Дети совсем. Мерес…

Хотел привести в пример Мересьева, легендарного летчика, который не отказался от полетов даже с ампутированными ногами, но резко заткнулся. Хоть убей не мог сообразить, он уже стал героем или еще нет. Решил, лучше не рисковать. Вдруг про «настоящего человека» никому пока не известно.

Вместо того, чтоб продолжить пламенную речь, сделал

очень суровое лицо. Будто пытаюсь удержать под контролем рвущийся наружу юношеский максимализм.

В кабинете снова повисла тишина. Белов достал вторую папиросу. Закурил. Он внимательно смотрел на меня. обдумывая услышанное.

Я, конечно, нехило рискнул, вывалив генералу на голову всю эту историю про амнезию. Но так лучше. По крайней мере после подобных разговоров он только если меня в тыл отправит. А тыл – это тебе не трибунал. Там я все равно что-нибудь придумаю. Необходимо убедиться наверняка, что Крестовский реально двинул кони. Сдох в чертовом омуте.

Наконец, решение было принято. Генерал резким жестом впечатал папиросу в пепельницу. Посмотрел на меня, пожалуй, с гордостью.

– Никому не скажу, Алексей, не переживай, – твердо произнес Белов. – Твой отец, Иван… Он бы тобой гордился. Служи. Бей гадов. С памятью разберемся после победы. Главное – хребет у тебя стальной оказался. Весь в отца! Остальное – дело наживное. Единственное условие… Если сам поймешь, что проблема усугубляется, моментально сообщишь военврачам. Ну и, естественно, товарищу майору.

Я мысленно выдохнул. Первая линия обороны пройдена. Белов поверил.

Теперь пора переходить в наступление. Надо выкачать из генерала максимум информации. Пригодится.

– Спасибо, дядя Никита, – мой голос смягчился, стал спо-

койнее. – Я ведь знаю, что это вы меня рекомендовали в контрразведку. Благодарен вам безмерно.

Белов махнул рукой.

– Брось. Свои люди. К тому же голова у тебя светлая. Это сызмальства было понятно. Все какие-то книжки по моделированию читал… Увлекался шибко. Мальчишки во дворе на палках скачут, в Красную Армию играют, а ты что-то лепишь, собираешь, конструируешь. Да и шахматы опять же. Не зря говорят, они хорошо мозги тренируют.

Я кивал в такт словам генерала, а сам думал: «Отлично. Только что узнал несколько фактов о себе самом. Шахматы, моделирование, значит… Ну тогда и журналы реально могли быть.»

– Это точно, – слабо улыбнулся. – Жаль только, обрывки одни в голове. Вот сижу сейчас, смотрю на вас… Помню только, как вы с отцом тогда… ну, в тот день…

Я изобразил мучительную попытку вспомнить детали какого-то определенного события. Прием сработал безотказно. Человеческий мозг не терпит пустоты. Собеседник всегда стремится помочь, достроить мысль.

– В тридцать пятом? – подхватил Белов. – На даче под Красково?

– Точно! Красково. Вы тогда еще…

– Да… я тогда еще старшим лейтенантом госбезопасности ходил… – Белов усмехнулся, вспоминая прошлое. Взгляд его потеплел. – Приехали мы с твоим отцом с рыбал-

ки. Грязные, как черти. Щуку притащили пуда на полтора. А Аня… Анна Сергеевна, матушка твоя, нас на порог не пустила. Кричала: «Снимайте сапоги, ироды, я только полы вымыла!». И ты взрослый уже, лет пятнадцать. Все бегал с этой щукой обнимался. Отец еще твой обрадовался. Неужели, говорит, Алеша мужать начал. А то все журналы да книги…

Генерал рассмеялся. Я улыбнулся в ответ.

Ой, как хорошо выходит. Как ладненько. Вот и журнальчики всплыли. Если Назаров или Борисов скажут Белову, что я с первых дней на глубокую любовь к периодике ссылался, это идеально ляжет в общую картину.

Ну и заодно маменькино имя выяснили. Дача у нас, значит, была в Красково, под Москвой. Хоть что-то.

– А матушка, она – да… – Я тихо рассмеялся. Очень натурально, кстати, – У нее характер ого-го какой.

– Ну вот видишь! – генерал обрадовался, подался вперед и легонько хлопнул меня по здоровому плечу. – А говоришь, не помнишь ни черта. Все хорошо будет, Алексей. И голова твоя в норму придет. Не переживай.

Да уж… Мог ли я представить, что курс по психологии, который изучал в рамках повышения квалификации, так пригодится в жизни? Не для ловли маньяков, не для возможности конструировать их сценарии поведения, а реально в жизни. Только на восемьдесят два года назад. Генерал даже не заметил, как сам начал уговаривать меня не принимать контузию всерьез.

– Ладно. С прошлым разобрались. Теперь давай о настоящем, лейтенант, – Лицо Белова в момент посерьезнело, снова обрело каменное, генеральское выражение.

А я про себя сделал отметочку. Разобрались с прошлым – случайная, казалось бы фраза. Но нет. Это, похоже, оговорочка по Фрейду. Никита Львович сам того не желая дал понять, что «разобраться» его просили. А то и вообще велели посмотреть, все ли в порядке с Соколовым, который вдруг из обычного парня превратился в самородка контрразведки и без пяти минут звезду уголовного сыска.

– Что за балаган я прервал? – спросил генерал, – Шульгин этот… кричит про арест. Назаров красный, будто только что из бани. Твой капитан весь в грязи, гимнастерка рваная. И почему следственный отдел пытается повесить на вас расстрельную статью? Докладывай. Четко и по существу.

Я рассказал генералу всё, что мог. Четко и по существу, как он просил. Выложил факты без эмоций. Сначала схематично обрисовал всю историю с Пророком от начала до конца. Официальную, естественно, версию. Потом перешел к событиям последних дней, в том числе к гибели капитана-предателя.

Так как мой рассказ затронул всю схему Пророка, Мельников тоже всплыл. Я не стал мелочиться, вывалил на Белова и эти подробности. Про засаду в сарае. Про то, как московский инспектор оказался кротом, работающим на Пророка, как он пытался пырнуть меня вшитым в рукав стилетом, и

как мне пришлось пустить в него пулю. В общем, выдал Никите Львовичу все то, что написано в рапортах и отчетах.

Белов слушал, не перебивая. Лицо его мрачнело с каждым моим словом. Взгляд становился всё тяжелее.

Когда я закончил, в кабинете повисла давящая тишина.

– Да уж, Алексей, – наконец произнес генерал. – Ситуация… хуже не придумаешь.

Белов сложил руки на столе, посмотрел на меня исподлобья. Добрый «дядя Никита» исчез без следа. Передо мной сидел жесткий, матерый функционер госбезопасности.

– Ты хоть понимаешь, куда вы с Назаровым залезли? Мельников – инспектор Главного управления контрразведки. Номенклатура Москвы. Для Лубянки смерть инспектора от рук рядового оперуполномоченного на периферии – это ЧП союзного масштаба.

Я молчал. С покорным видом слушал.

– Наша комиссия приехала сюда искать утечку секретной информации и разобраться с гибелью нашего же сотрудника. В том числе, с его предательством. Если таковое было. Я знал твоего отца, Алексей. Знаю тебя. И хочу верить, что ты не стал бы стрелять в офицера ГУКР из шкурных интересов или чтобы прикрыть свое собственное, уж извини, дерьмо. Но я – председатель комиссии. У меня за спиной люди, которые ждут результата. Большие люди, Алексей. Важные.

Генерал прищурился. Пытался по моей физиономии понять, дошло ли до меня, о каких именно людях идет речь. А я

как бы не дурак. Естественно, дошло. Что и показал генералу всем своим видом. Тоже нахмурился, подобрался и начал смотреть исподлобья, но немного с другим посылом. Мол, все понимаю, партия сказала «надо» – мы ответим «есть!», но все равно обидно.

– Поэтому слушай меня внимательно, – продолжил Белов, – Я не дам местным следователям совать свой нос в это дело. Но сам имей ввиду, проверю каждое сказанное тобой слово. И не только тобой. Котов, Карасев и Назаров тоже будут опрошены. Оперативные мероприятия мы проведем сами. Свои. Будем собирать информацию по крупицам. Если ты и твои товарищи чисты – все будет хорошо. Могу обещать тебе честный и добросовестный подход к этому делу. Но если мои следователи найдут хоть каплю лжи…

Белов многозначительно замолчал.

– Товарищ генерал-майор, мне скрывать нечего, – ответил я уверенно.

Хотя на самом деле все совершенно наоборот. Скрывать есть просто до хрена чего. Там не капля лжи, а целое море.

– Вот и славно, – Белов поднялся. Расправил китель. – Теперь давай закончим этот цирк с конями. Зови остальных. Они там, поди, в коридоре, на стенку уже лезут от нетерпения.

Я быстро метнулся к выходу, открыл дверь, махнул Карасеву, который стоял ближе всех, но на приличном расстоянии от кабинета. Через пару минут в комнату просочились

Назаров, Андрей Петрович, Мишка и, конечно же, Шульгин.

Белов поднялся на ноги, оперся на столешницу кулаками. Обвел присутствующих властным взглядом.

– Значит так, товарищи. Я предварительно ознакомился с ситуацией. Выслушал доклад лейтенанта Соколова.

Шульгин дернулся, поправляя очки.

– Товарищ генерал-майор, разрешите…

– Молчать! – рявкнул Белов. – Я не закончил. И впредь не сметь меня перебивать, капитан.

Генерал вышел из-за стола, приблизился к следователю. Навис над ним.

– Дело об убийстве капитана Воронова, а также инцидент с инспектором ГУКР Мельниковым с этой минуты переходят в исключительное ведение московской комиссии. Пока мы не закончим проверку, группу Котова не трогать. Под ногами не мешаться. Усёк, капитан?

– Так точно! – очкастая гнида вытянулся в струнку.

Он попытался скрыть разочарование, но у него это плохо получилось.

– Ну а раз «так точно», свободен, капитан. Иди, неси службу, – приказал Белов.

Шульгин резко крутанулся на месте. Лицо его покрылось красными пятнами. Он промаршировал к дери и вышел в коридор.

Назаров еле слышно, с явным облегчением выдохнул.

– Так… – генерал обвел взглядом оставшихся, – Ну а с

вами увидимся уже завтра утром, товарищи. Пока работаете в штатном режиме, но без вольных импровизаций. Как вы тут любите.

Он кивнул майору, тот козырнул в ответ. Через две минуты мы уже остались одни. Никита Львович ушел.

– Хоть Шульгина от нас убрали и то хлеб, – криво усмехнулся Котов.

Капитан достал папиросы, собираясь закурить. Полез рукой в правый карман галифе за спичками. Нахмурился. Сунул руку глубже.

– Что за ерунда? – пробормотал он.

– Что там, Андрей Петрович? – спросил Карасев.

Котов вытащил руку из кармана, разжал пальцы.

Вместо спичек на его широкой ладони тускло блеснул металл. Небольшой, затейливой формы ключик с короткой бородкой. Не от обычной двери. Скорее от сейфа, секретера или почтовой ячейки.

– Не было у меня этого, – Андрей Петрович удивленно уставился на находку. – Откуда взялся?

Я тоже смотрел на чертов ключ и мысленно матерился в три этажа.

Котов лично шмонал Воронова от воротника до сапог. Любую железку в карманах или за подкладкой нашел бы сразу. Где эта тварина прятала ключ? А то, что вещицу подкинул шизик – к бабке не ходи. Вот ради чего затевались нелепые валяния в грязи.

Держал за щекой? Возможно. Ключ маленький. Где-то еще? Фу! Такая лютая дичь сразу полезла в голову. Лучше и не представлять.

Но самое хреновое – не где Воронов это прятал, а что этим можно открыть?

Глава 4

Тусклый свет настольной лампы падал прямо на зеленое сукно стола. В самом центре лежал крохотный кусок металла. Маленький латунный ключ с короткой бородкой. На плоском ушке криво чем-то острым была выцарапана цифра «42».

Мы, как четыре идиота, сгрудились вокруг стола и пялились на ключ. Вернее сгрудились трое – я, Карась и Котов. Назаров просто сидел. Но пялился ничуть не меньше нашего.

Моя физиономия, конечно, выглядела такой же озадаченной, как и у остальных. Мол, что такое? Откуда оно взялось? На самом деле, внутри бурлила настолько сильная ярость, что, окажись сейчас шизик передо мной, я бы его задушил собственными руками.

Крестовский. Тварь. Всё рассчитал. Подкинул прямо в карман капитану. Оставил «хлебные крошки». Ублюдок с комплексом бога не может просто уйти в тень. Ему нужны зрители. Нужно, чтобы я осознал масштаб его гениальности. А то, что внезапно появившийся ключ – дело рук шизика, лично у меня нет ни малейших сомнений. Главное сейчас – держать лицо. Ни один жест не должен выдать моего истинного состояния.

– И что это за хреновина? – задумчиво поинтересовался

майор.

– Без понятия, – так же задумчиво ответил Андрей Петрович.

Назаров устало потер переносицу. Затушил окурок, с силой вдавив его в стекло пепельницы.

– Котов… Знаешь, что? Тебе пора отдыхать. Ты на ногах сколько держишься? Третьи сутки пошли? Спал урывками, ел на ходу. Мозги уже кипят. Засунул ключ от какого-нибудь шкафчика в суматохе и забыл. Бывает такое. Переутомление сказывается.

Капитан оторвался от созерцания ключа, мрачно посмотрел на Назарова.

– Никак нет, Сергей Ильич. При всем уважении, я не идиот. Моя память работает четко. Что ж я, по вашему, в собственных карманах заблудился? Прекрасно знаю, что там лежит. Спички, папиросы, запасная обойма. Всё. Никакого мусора сроду не таскал. Тем более ключей от непонятных замков. Гарантирую, вещь не моя.

Я осторожненько протиснулся одним плечом между капитаном и старлеем, наклонился, взял ключ двумя пальцами. Крутанул вещицу на свету, присматриваясь к деталям. Глубокие борозды на цифрах блестели свежей латунью. Царапали недавно.

– Цифра нанесена кустарно, от руки, – констатировал вслух, положив железку обратно на сукно. – Номер сорок два. Это может быть, что угодно. Дом, квартира, случайные

цифры. Одно скажу – замок простенький, английский. Такие ставят в основном на казенную мебель. Картотеки, тумбы, бухгалтерские шкафчики. Точно не дверной.

– Спасибо, лейтенант, просветил, – хмыкнул Назаров. – Дальше что? Откуда он взялся? Ветром надуло? Или мимо кто проходил и в карман капитану сунул?

– Давайте восстановим события дня, – предложил я спокойно, игнорируя раздражение начальства. – Где вы могли его зацепить, Андрей Петрович? Кабинеты следователей? Двор управления? Может, к шифровальщикам заходили?

Вообще, конечно, сказать хотелось совсем другое. Сделать тоже. Я бы с огромным удовольствием схватил эту чертову вещицу и выкинул бы ее, куда подальше. В сортир, например.

Что бы не спрятал шизик, там точно ничего хорошего. Очередное дерьмо. Вполне возможно, дерьмо, предназначенное мне. Не верю, будто Крестовский мог просто взять и сдохнуть, не позаботившись о том, чтобы лейтенант Соколов отправился вслед за ним. Как говорил один известный литературный персонаж: «Я тебя породил, я тебя и убью». По-любому Крестовский мыслил точно так же.

Однако, конкретно в данный момент мне приходилось изображать на лице недоумение, поддакивать майору, активно участвовать в мозговом штурме. Чтоб не выглядеть подозрительно.

Интересно, насколько быстро Котов и остальные поймут,

каким именно образом вещица оказалась у капитана? Думаю, очень скоро. Жаль, что на этот раз ситуацию никак не изменить. Передо мной все-таки опера контрразведки, а не детский сад. Сейчас они прикинут одно к другому, сопоставят события прошедшего дня и пазл сложится.

– В штабе ни с кем не пересекался особо, – произнес Котов, – Мы весь день вокруг Воронова плясали. Готовились к операции. Ко мне в карманы тоже никто не лазил. Это я бы точно запомнил.

Карась вдруг тихо выматерился сквозь зубы. Рука старлея, потянувшаяся почесать затылок, остановилась на полпути. Мишка посмотрел сначала на капитана, потом на Сергея Ильича.

– Товарищ майор… А ведь товарищ капитан прав. Не сам он его положил. Это Воронов, – заявил старлей уверенным тоном.

Ну вот. Говорю же, недолго будут тупить оперативники. Тем более такие опытные, как Карась и Котов. Мишка первым сообразил, откуда ноги растут.

– Ты белены объелся, Карасев? – Майор чиркнул спичкой, снова прикурил. – Каким образом Воронов? Вы его дважды обыскали. Первый раз при задержании в церкви. Второй раз Котов лично каждый шов на новой гимнастерке и галифе прощупал, перед тем как на Гнилое колено везти. Никакого ключа у него не было. И быть не могло.

– В карманах – да. В швах тоже, – упрямо стоял на своем

Карась. – Уж простите, товарищи командиры, но обыскивать вы умеете по уставу. Сверху донизу. А воровские фокусы не учитываете. Знаете, как в Одессе щипачи от легавых инструмент прячут? Когда берут теплого и скинуть некуда?

Назаров недовольно «крякнул», отреагировав на «легавых», но старлея перебивать не стал.

– За щеку, – Мишка ткнул указательным пальцем себе в лицо, – Или под язык. Маленький ключик, отмычку, лезвие от бритвы. Сидишь, помалкиваешь. Легавые по карманам хлопают – чисто. А инструмент во рту. Разговаривать, конечно, с такой железякой за щекой трудно. Но во время шмона вопросов как-то и не задают. Теперь смотрите, что мог сделать Воронов. Перед обыском спрятал ключик, переждал, вытащил обратно и положил в галифе. Провернуть это совсем не сложно.

Черт… Похоже, Карась попал в десятку. Думаю, именно так все и было. Крестовский знал, что оперативники СМЕРШа проверят одежду, сапоги. Но лезть в рот пленному офицеру госбезопасности без явного повода никто не станет. Чай не стоматологи. Да и повод такой представить сложно. Зубы-то рвать ему точно никто не собирался. Либо…

Я завис, уставившись в одну точку. Потому как мысль, пришедшая мне в голову выглядела откровенно погано. От нее, от этой мысли, хотелось разбежаться и со всей дури долбануться башкой о стену.

А что, если Воронов не все время таскал долбаный ключ

за щекой? Что, если у него не было изначально этой вещи? Мы привезли гниду из церкви. Обыскали его сначала там, потом в Управлении. Он с нами разговаривал. Гонять металлический предмет изо рта в карман и обратно в рот – такое себе. Но шизик мог получить ключ незадолго до выезда к Гнилому колену. Вот тогда спрятать его на десять минут за щеку – проще простого.

И что получается? Как говорил в прошлой жизни мой начальник, полковник Сидоренко – хрен стоит, а голова качается. Выходит, в управлении остался человек Крестовского? Да сука!!! Кончится это когда-нибудь вообще? Реально гидра. Отрубаем одну голову, на ее месте вылазят еще две.

– Под языком… – Котов помрачнел. – Допустим. Протащил. Выплюнул в ладонь. А в карман мне как засунул… – капитан осекся, нахмурился. И тут же сам ответил, – Гнилое колено. Перед тем как сигануть вниз, Воронов кинулся на меня. Я еще подумал, что за бред? Не драка, а так – детская возня. Только гимнастерку мою драл да по земле катался. Вот сука… Даже после смерти продолжает с нами играть.

– Он профи, Андрей, – мрачно заметил Назаров. – Из Четвертого управления. Их там таким трюкам учат, что вам и не снилось. Вопрос в другом. На кой ляд он это сделал?

– Оставил закладку, – уверенно произнес Карась. – Целенаправленно передал ключ. Хочет, чтобы мы нашли замок и открыли его. Циркач хренов.

– Номер сорок два, – Сергей Ильич постучал ногтем по

металлу. – Секретер? Картотека? Полевая почта? Интендантские склады? Комната, где он квартировал? Что это может быть? Думайте, товарищи оперативники. Думайте.

Котов уставился на ключ с таким видом, будто перед ним не металлический предмет, а гремучая змея. Потом перевел взгляд на майора.

– Тут еще вот какой вопрос… с москвичами что делать будем? – спросил капитан, немного понизив голос, – Комиссия с утра начнет носом землю рыть. Сами знаете, пока у них не будет ответа на все поставленные вопросы, они не успокоятся. Докладываем о находке?

Назаров нахмурился. Сгреб ключ со стола, повертел в пальцах.

– Нет. Пока придержим. Генерал-майор Белов, конечно, велел Шульгину под ногами не мешаться. Запретил лезть к вашей группе. Но это административный приказ, Андрей. Понимаешь? Как только всплывет настоящая физическая улика вроде этого ключа, Шульгин, как старший следователь, снова сунет нос…

Котов, Карась и даже я молча закивали головами. Логика майора была проста. Мне она вполне знакома. Полицейская и чекистская бюрократия не сильно друг от друга отличаются.

Генерал Белов руководит процессом, но Шульгин – сотрудник следственного отдела. Как только мы засветим ключ, очкастая гнида тут же состряпает протокол выемки. И

все. Пиши-пропало. Найдут замочек, откроют, а там – добрый вечер, буду краток. Например, подробный рассказ о лейтенанте Соколове. Да еще с какими-нибудь уликами.

– К тому же эта сволочь строчит доносы с утра до ночи, – мрачно добавил Карась, – Напишет рапорт через голову товарища Белова своему покровителю… Сами понимаете… Эх… Были бы мы с ним не на фронте, я бы ему…

– Цыть! – тут же взбеленился майор, – И думать не смей! Только тронешь Шульгина, в раз окажешься в штрафном батальоне. И поверь, не по моему приказу.

– Да я же имел в виду… – слабо попытался оправдаться старлей.

– Все мы знаем, что ты имел ввиду, – Снова оборвал его Назаров, – Если эта мысль в твоей башке появилась, ты ее непременно реализуешь. А нам только таких проблем не хватало. В общем, слушай сюда, товарищи оперативники. Комиссии пока про ключ не говорим. К тому же, черт его знает… Может, мы ошибаемся и вещица эта к Воронову не имеет никакого отношения. Нам нужно первыми понять, что там может быть. Найдем, вскроем, осмотрим. Потом доложим по форме. Если это действительно будет касаться дела Пророка.

Майор вдруг замолчал. Посмотрел на меня. Котов и Карась тоже синхронно перевели взгляды в мою сторону. В кабинете повисла плотная многозначительная тишина. Все трое отлично помнили, кто возглавляет московскую комиссию. Генерал Белов. Друг покойного отца Соколова. Можно

сказать, покровитель лейтенанта.

– Алексей, – негромко, с нажимом произнес Котов. – Мы работаем одной группой. Вместе. Прикрываем друг друга. Генерал-майор Белов не должен узнать об этой железке раньше времени. Ни случайно, ни по старой дружбе. Уяснил?

Я мысленно усмехнулся. Логично, что моих коллег волнует этот вопрос. Вдруг поддамся ностальгии, расчувствуюсь да и побегу докладывать Никите Львовичу.

– Мой прямой командир – вы, товарищ капитан. Начальник – майор Назаров, – Я сделал серьезное лицо, в глаза напустил немного обиды, – Мы с вами, можно сказать, в одной упряжке. Тем более в этом деле Пророка. Никакой утечки не будет. Слово даю.

Котов смотрел мне в лицо еще пару секунд. Затем коротко кивнул.

– Товарищ майор, заберу? – капитан протянул руку к ключу.

– Забирай, – раздраженно отмахнулся Назаров, – Лучше бы и не показывал, честное слово.

Сергей Ильич тяжело выдохнул, с силой потер лицо ладонями. Суровый контрразведчик исчез, остался просто смертельно уставший мужик.

– Капитан, как думаешь… наш лейтенант не ошибся? – глухо спросил он, глядя в пустоту. – Никита и был тем самым Пророком?

Котов медленно убрал ключ в карман. Посмотрел на май-

ора.

– Думаю – так и есть, Сергей Ильич. Гнилое колено – весомый факт в пользу этой версии. Да и остальное тоже. Полностью согласен с Соколовым.

– Черт… – майор покачал головой, горько усмехнулся, – Мерзко это осознавать. Ладно… Помер Ефим – черт с ним. Значит, так. Искать замок под ключик начнем с утра. Для начала отправитесь туда, где квартировался Воронов. А сейчас… – Назаров окинул нас хмурым взглядом. – Сейчас приказываю отдыхать. Даю пять часов. В семь ноль-ноль жду здесь. Голова должна быть ясной. Если Пророк оставил капкан, мы обязаны найти его первыми. Свободны.

Котов коротко кивнул. Карась с довольной физиономией хрустнул пальцами. Предвкушал ужин и сон.

– Товарищ майор, разрешите задать вопрос, – я шагнул к столу, – Помните просил вас помочь дочке Селиванова? Насчет инсулина. Получилось?

– Помню, Соколов. Всё помню, – ответил Сергей Ильич. Ему, похоже, не терпелось выпроводить нас из кабинета и самому отдохнуть. – Уж больно ты тогда наседал, будто за родную кровиночку просишь. Их отправили в Москву. И мать, и девчонку. Вчера вечером уехали. Там врачи помогут. Одного-двух уколов ребенку мало. Это так – мертвому припарка. Будет под контролем медиков.

– Весело, конечно, – тихо буркнул Карась, – Селиванов предатель, а мы его семейство лечим.

– Дети не в ответе за своих родителей, – одернул его Сергей Ильич. – Девчонка малая совсем. Она ни в чем не виновата. – Майор снова переключился на меня, – Так что успокойся, Соколов. Иди отдыхай.

– Спасибо, – поблагодари я Назарова. Развернулся, сделал несколько шагов к выходу, но в последнюю секунду передумал и снова вернулся к столу.

Котов, который как раз шел за мной, недовольно что-то буркнул под нос. Какую-то фразу про вошь на сковороде.

– Сергей Ильич, извините… Можно насчет еще одного дела спросить? Обходчик, благодаря которому мы вышли на Воронова в церкви… У него жена болеет сильно. Ее бы докторам показать. К хорошему хирург отвезти. Обещал я ему, когда он про церковь рассказывал.

Назаров нахмурился еще больше. В его взгляде мелькнуло легкое раздражение.

– Ты, лейтенант, решил контрразведку в собес превратить? Одной лекарства, другой врачей. Пусть вон, в госпиталь наш ее отведет. Я попрошу, чтоб посмотрели. Пропуск выпишу. Куда ты везти их собрался?

– Товарищ майор, в Золотухино. Там есть очень хороший врач.

Ну тут, конечно, я немного лукавил. Назаров прав. В Свободе тоже найдется, кому жену Михалыча подлечить. Просто… Хотелось мне увидеть Елену Сергеевну и все тут. С той самой встречи в дворе Управления, когда она нашу тро-

ицу перед походом в церковь встретила. Грубовато я себя с ней вел. Пока бегали за Вороновым, спасали генерала, эти мысли гнал от себя. Не до сердечных переживаний было. Но сейчас-то можно хотя бы пару часов выгадать. С официальным разрешением Назарова.

Майор прищурился, посмотрел на меня с интересом.

– Чего тебя, лейтенант, все время в это Золотухино тянет? Только отвернешься, а ты уже в ту сторону намылился. Хорошие врачи и в Свободе имеются. Тут целый медсанбат, специалисты высшей категории, подполковники медицины. Чем они тебе не угодили?

Я открыл рот, собираясь выдать порцию аргументов про «особую квалификацию», но меня опередили.

Карась, стоявший уже возле двери, вдруг коротко хохотнул себе под нос. Оправил гимнастерку, посмотрел на меня с нескрываемой издевкой.

– Дык, Сергей Ильич, вы не понимаете, – протянул Мишка, – У хирургов в Свободе бороды да усы. Скучно лейтенанту с ними. А вот в Золотухино… там медицина другого уровня.

Старлей сделал паузу, продолжая пялиться на меня насмешливым взглядом, в котором, на самом донышке, я снова видел ревность.

– Там у хирургов глаза красивые. Синие такие, прямо как небо над Курском. От одного взгляда любая хворь проходит. Вот Соколов и радеет за здоровье гражданского населения.

Видать, без синих глаз лечение не идет.

Назаров хмыкнул:

– Синие глаза, значит… – проворчал майор. – Влюбился, что ли, лейтенант? Нашел время, в бок тебе коромысло.

Я промолчал. Оправдываться – значит признать, что Мишка и Назаров попали в точку. А они попали, чего уж врать самому себе. Наверное, да. Влюбился. Может, не я. Может – Соколов. Кто ж теперь разберет? Тянет-то к Скворцовой именно меня.

– Ладно, гуманист, – Назаров махнул рукой. – Завтра утром решим. Будет возможность, поедешь. Все. Идите уже.

Мы вышли в коридор. Карась топал следом, нарочито громко впечатывая сапоги в половицы.

– Жену обходчика ему жаль… – буркнул он мне в спину, когда спускались по лестнице. – Знаем эту жалость…

– Миша… – Я остановился, посмотрел старлею прямо в глаза, – А не пойти ли тебе в жопу? Со своими припадками ревности. Мы это вопрос уже обсуждали. Есть желание поговорить о моей и твоей симпатии к Скворцовой – милости прошу подальше от Управления. Все сделаем.

Котов, который уже спустился на один пролет вниз, резко крутанулся на месте, тремя огромными прыжками взлетел вверх. К нам со старлеем.

– Я вам сейчас обоим шею намылю! – рявкнул Андрей Петрович. – Совсем башка не варит? Куда собрались? Дуэли устраивать? Так быстро все желание отобью. Еще раз что-то

подобное услышу или, упаси вас бог, узнаю, не обижайтесь. Лично отправлю в штрафбат обоих. У нас тут война, фрицы по лесам бегают, предатели плодятся как грибы после дождя, а вы в «люблю-не люблю» играть вздумали.

Угроза капитана подействовала. Мишка заткнулся. Всю дорогу до расположения он молчал, хмуро переваривая перспективу сменить погоны старшего лейтенанта на шинель штрафника. Картина, видать, в голове Карася сложилась отнюдь не радостная. Он так ею проникся, что даже снова заговорил со мной нормальным тоном. Будто ничего не произошло.

Мы распрощались с Котовым, пришли в свой блиндаж. Внутри стояла дикая жара. Буржуйка раскалилась докрасна. Воздух плотный, хоть топор вешай. В углу коптила лампа из сплющенной гильзы.

На нарах сидели двое мужчин. Карась коротко кивнул им, толкнул меня в здоровое плечо.

– Знакомься, Соколов. Старшие лейтенанты Макаров и Журавлев. Из группы капитана Лебедева.

Опера дружно нас поприветствовали. На ящике перед ними лежала вскрытая банка тушенки и сало. Стоял крепко заваренный чай. Макаров методично резал шпиг финкой, укладывая ломти на пайковый хлеб.

– Явились, герои, – буркнул он, – Наслышаны о ваших приключениях. Так отличились, аж из Москвы комиссия прикатила. И товарищ майор который день лютует.

– Да ладно тебе ныть-то, – отмахнулся Карась.

Я молча прошел к свободному топчану. Тяжело опустился на доски. Стянул здоровой рукой сначала один сапог, затем второй. Облокотился спиной о стенку и закрыл глаза.

– Чего вы смурные? – Карась подсел к ящику, хапнул кусок хлеба с салом. – Тоже огребли от начальства?

Журавлев зло сплюнул на земляной пол.

– Сутки по Курску мотались. Брали бывшего бухгалтера, немецкого пособника. Взяли. Только трясется весь, клянется, что честный ветеран труда. А хата – музей. Мы там всю ночь обыск делали. Паркет поднимали. Подушки пороли.

– Нашли что-нибудь? – Карась потянулся за чаем.

– Нашли. – Макаров криво усмехнулся. – В кабинете стоял секретер из красного дерева. Обстучали – пусто. А потом смотрю – внизу планка отъезжает. Под ней замочная скважина крохотная. Ломом вскрывали. Много интересного внутри нашли.

Журавлев чиркнул спичкой, прикуривая.

– Замок заказной. Местные спецы сказали, до войны артель работала, «Красный деревообделочник». Там старый немец-мастер такие замки в мебель врезал. Ключи особенные. Маленькие, из латуни. Бородка короткая, пазы хитрые.

Я резко открыл глаза, уставился прямо на Журавлева.

Маленький. Из латуни. Короткая бородка. Хитрые пазы. Очень похоже на ключ, который подкинул шизик.

Так может цифра 42 это номер квартиры? Или дома. Во-

ронов на допросе упорно упоминал Воронеж. Мол, там его Пророк завербовал. А это брехня. И Лесник говорил про тот же самый город. Надо срочно выяснить, где в марте находился капитан Воронов.

Черт, я ищу иголку в стоге сена, не имея ни малейшего понятия, как она выглядит.

Нет. Сейчас нужно спать. А завтра… Завтра будет новый день и новая погоня за призраком. Вернее теперь за его наследием.

Глава 5

Пять часов сна – непозволительная роскошь. Организм требовал еще, но внутренний будильник сработал безотказно. Ровно в шесть утра.

Я открыл глаза. Уставился в бревенчатый накат потолка. Тут же сообразил, что причина моего пробуждения кроется на самом деле не во внутренней чуйке. Она гораздо примитивнее и конкретнее.

На весь блиндаж и возможно за его пределами раздавался густой храп. Карась выводил рулады с таким энтузиазмом, что с потолка вот-вот могла посыпаться сухая земля. Макаров и Журавлев уже ушли. На их нарах валялись только смятые плащ-палатки. Не удивлюсь, если он сбежали из-за старлея.

Сел на досках. Плечо тут же отозвалось ноющей болью. Но уже гораздо меньше, чем в предыдущие дни. Просто тупое, неприятное ощущение.

Я наклонился, поднял с пола один свой сапог и с огромным удовольствием запустил им прямо в Карасева.

– Подъем, старлей. Труба зовет.

Мишка громко хрюкнул, подорвался, на ходу пытаясь одной рукой нащупать кобуру. Вытаращил шальные глаза. Узнал меня. Выдохнул и грязно выругался.

– Соколов, твою мать. Когда-нибудь я тебя пристрелю.

Снилась женщина. Красивая. А тут ты со своим сапогом.

– С синими глазами? – хмыкнул я, натягивая гимнастерку.

– Пошел ты, – Карась отвернулся. Уши у него предательски покраснели.

Через десять минут мы вышли на свежий утренний воздух. Над Свободой висел густой туман. Пахло сыростью и дымом полевых кухонь. Странное дело, но этот запах почему-то показался мне родным. Будто я нахожусь не в прошлом, а там, где и должен быть. Где провел всю жизнь.

– Сначала идём в медсанбат, – категорично заявил Мишка, – Это не обсуждается. Не спорь.

А я как бы и не собирался. Вопрос собственного здоровья начал меня волновать достаточно сильно. Пока нет точной уверенности, что шизик сдох, не имею права умирать сам. Тем более от какого-нибудь заражения. Это будет особенно обидно. Скончаться на войне от гангрены – что может быть тупее?

Хирург, к счастью, был другой. Правда, длилось это недолго. Как только он услышал мою фамилию, громко хмыкнул и рявкнул куда-то в конец коридора:

– Тимошин, тут твой любимый пациент пришел!

Карась тихо хохотнул за моей спиной.

– Гляди-ка, Соколов, ты у нас и в медчасти товарищ известный.

Не прошло пары минут, появился тот самый врач. С которым мы встречались уже трижды. Увидел меня, сразу рас-

плылся довольной улыбкой.

– О, лейтенант. Доброго здравия.

Потом посмотрел на своего коллегу, который все это время стоял рядом и с любопытством пялился в мою сторону.

– Видал, Сергей Иваныч? Вот и наш болящий.

– Видал, – Ухмыльнулся первый, – Рука все еще на месте. Передвигается сам. Вроде не при смерти. Проспорил я тебе, товарищ капитан. Ну ладно. С меня пачка папирос.

Я уставился на эту парочку эскулапов с возмущением.

Проспорил? Зашибись. Боюсь представить, каким был предмет спора. У медиков юмор достаточно специфический сам по себе, а на фронте вообще, наверное, очень особенный.

Мой хирург, который оказался аж капитаном медицинской службы, кивнул в сторону перевязочной, и, не дожидаясь какой-либо реакции, молча двинулся в кабинет. Я, естественно, пошел вслед за ним.

Тимошин усадил меня на табурет. Дождался, пока сниму гимнастерку, привычным жестом разрезал ножницами старый бинт. Аккуратно подцепил пинцетом присохшую марлю. Мелочиться не стал, сразу дернул. Пришлось стиснуть зубы, чтоб не выматериться.

Несколько секунд доктор задумчиво изучал мою рану.

– Грануляции чистые, бледно-розовые, – выдал он наконец медицинский вердикт, будто я понимаю, о чем идет речь. – Гноя нет, экссудат минимальный. Честно скажу, лей-

тенант, думал, после твоих бесконечных скачек по полям и лесам края снова разойдутся. Ждал анаэробную инфекцию или сепсис. А у тебя ткани начали стягиваться. Удивительно.

Он бросил грязный бинт в эмалированный таз. Взял корцанг с марлевым шариком, щедро полил на него йод. Прошелся по краям раны. Кожу нещадно обожгло.

– На что спорили-то? – спросил я.

Хотел отвлечься от болезненных ощущений.

– Мой коллега ставил на развитие газовой гангрены, – спокойно ответил Тимошин, будто речь шла не о здоровье пациента, а о какой-то обыденной мелочи. Взял стеклянную баночку, густо присыпал рану стрептоцидом. – Уж больно ты активный для раненого. А я верил в тебя и твой молодой организм. Цени. В итоге выиграл пачку «Казбека».

Хирург ловко наложил сверху стерильную салфетку в несколько слоев. Перехватил свежим бинтом, сделал тугую крестообразную повязку через грудь. Движения у него были отработанные, автоматические.

– Косынку убираем, – Тимошин завязал концы бинта тугим узлом, отрезал лишнее. – Руку отвязываю. Можешь двигать. Но без фанатизма, Соколов. Дрова не рубить, тяжести не таскать, с диверсантами не драться. Понял?

– Понял. Спасибо, товарищ капитан медицинской службы.

Я осторожно, очень медленно подвигал левым плечом. Мышцы болезненно потянуло, но все работает нормально.

Свобода движений сейчас критически важна.

Распрощался с врачом и вышел в коридор. Карася нигде не было видно. Этому факту я совсем не удивился. Мишку надо искать где-нибудь в обществе симпатичных медсестер. Он же для них – как огонь для мотыльков и бабочек.

Остановился, прислушался.

С улицы, из-за приоткрытой входной двери, донесся звонкий женский смех. Сразу несколько голосов. Ага. Вот и направление поиска нарисовалось.

Вышел на крыльцо и сразу же увидел милейшую картину.

Возле старого тополя плотным кольцом сгрудились молоденькие медсестрички с уставшими, но радостными мордашками, блестящими от восторга глазами. В центре женского цветника с довольным видом стоял Михаил Карасев собственной персоной. Пилотка лихо сдвинута на самый затылок. Гимнастерка сидит идеально, не подкопаешься. Грудь колесом.

Старлей травил очередную героическую байку. Активно махал руками, играл бровями, стрелял глазами поочередно в каждую из слушательниц. Щедро раздавал обаяние уличного кота, дорвавшегося до сметаны.

– …И вот, представляете, девушки, патронов ноль! Кругом фрицы! – вещал Карась с театральным надрывом. – А у меня из оружия – только саперная лопатка да билет комсомольский у самого сердца! Я из воронки как выпрыгну! Здоровенный ганс на меня ствол наводит, а я ему лопаткой

прямо по…

Девчонки синхронно охнули и снова звонко захихикали.

Смотреть на этот цирк или ждать, пока Мишка наразвлекается, времени не было совсем. Котов с Назаровым ждут.

– Старший лейтенант Карасев! – громко произнес я, спускаясь по ступеням. – Вы там всех немцев лопаткой перебили или нам парочку оставили? Труба зовет.

Медсестры хором ойкнули и мгновенно рассыпались в разные стороны, как стайка испуганных воробьев.

Мишка недовольно зыркнул в мою сторону, цыкнул сквозь зубы. Поправил ремень на поясе. На его физиономии не было ни капли смущения.

– Вот умеешь ты, лейтенант, всю малину испортить, – проворчал он, шагнув мне навстречу. – Только до самого интересного дошел. Эх… Ладно, герой. Пошли получать новые задачи.

Без пяти семь мы уже входили в кабинет Назарова.

Майор сидел за столом. Судя по сероватому цвету лица и красным глазам, в отличие от нас, Сергею Ильичу с отдыхом не подфартило. Котов тоже был в комнате, стоял у окна.

– Явились, – констатировал Назаров очевидный факт. – Выспались?

– Так точно, товарищ майор, – ответил Карась бодро.

– Не ври. По рожам вижу, что нет. Ну ничего, ребятушки. Фрица победим, все выспимся. Значит так, орлы. Комиссия москвичей с раннего утра все Управление на уши под-

няла. Им очень не хочется признавать тот факт, что инспектор ГУКР оказался предателем и работал на Пророка. Прямо сейчас перетряхивают бывший кабинет Мельникова. Вскрывают полы, потрошат сейф и каждую бумажку под лупой рассматривают. Ищут любые его записи, черновики, неотправленные отчеты.

Я внутренне подобрался. Кабинет Мельникова… Может ли там быть еще что-то опасное для меня? Докладная записка, которую нашел за портретом Дзержинского, уничтожена. Прежде, чем отдать в тот день грязную форму Карасю, я бумажку порвал и сжег. Но… Мельников – опытный чекист, старая школа. Бюрократ до мозга костей. Вдруг он оставил дубликат?

Тут же разозлился сам на себя. Такими темпами можно быстро в параноики переквалифицироваться. Нет, не было копии. Не могло быть. На кой черт ему эта копия? К том же записку Мельников писал от руки, чернилами. Если бы на машинке, тогда вероятность имеется. Там копирку подложил и сиди строчи. Обычной перьевой ручкой дубликат не сделаешь – нужен сильный нажим, перо просто порвет лист в клочья.

– Закончат с кабинетом, – мрачно продолжил майор, – Прикажут изъять все дежурные журналы и телетайпы. Будут выяснять, на самом ли деле Мельников отдавал приказ саперам минировать просеку. Истопника Пашку с пяти утра по десятому кругу муздыкают в допросной. В общем, ищут рас-

хождения нашей версии с реальными событиями и фактами.

– Лучше бы делом занимались, – тихо буркнул Карась, – А не пытались доказать, что мы из прекрасного и честного чекиста Мельникова состряпали предателя Родины, чтобы потом от нечего делать его грохнуть.

– Тебя забыли спросить! – Назаров недовольно зыркнул на Мишку, – Ты иди, подскажи им. А то без твоей помощи товарищи из Главного управления ни черта не смогут разобраться.

Старлей, прекрасно уловив сарказм в интонациях начальства, моментально заткнулся.

– Они нам не верят, – констатировал Котов, задумчиво глядя в окно.

– Естественно, не верят, Андрей Петрович, – отрезал Назаров. – И это не всё. Завтра комиссия готовит выезд в Золотухино. Будут допрашивать медперсонал в госпитале. Хотят поминутно восстановить, что там с Федотовым произошло. Теперь, когда мы к их приезду на блюдечке еще и смерть Воронова преподнесли, они всей сетью Пророка занялись. Их волнует в том числе утечка секретной информации. В наших интересах, чтобы появились факты подтверждающие, что Воронов и правда Пророк. Ну и вина Мельникова, конечно, тоже должна быть доказана. Вообще, хочу сказать… – Майор покосился в мою сторону, – Если бы не генерал-майор Белов, мы бы сидели не тут, в кабинете, а в менее приятном месте. Думаю, сами понимаете, в каком. И вопросы нам

бы задавали менее приятным образом.

Сергей Ильич многозначительно помолчал, позволяя нам проникнуться серьезностью ситуации. Хотя мы и без его драматических пауз вполне понимали, насколько важны ближайшие несколько дней. Особенно я понимал. Внимание комиссии к госпиталю может обернуться моим полным провалом. Там есть, где покопаться.

– Теперь по вам, – Назаров уже конкретно посмотрел на меня, – Ты, Соколов, просил разрешения смотаться в Золотухино. Жену обходчика в ПЭП отвезти.

– Просил, товарищ майор. Обещал же.

– Ну точно. Чистый собес, – проворчал Сергей Ильич. – Я тут думал запретить тебе эту самодеятельность. Не время сейчас по больничкам кататься. Но… есть нюанс. Капитан, объясни им.

Котов отошел от окна. Приблизился к столу.

– Помните того водителя? – спросил Андрей Петрович, – Ушастого сержанта, который во дворе госпиталя терся возле Лесника? Того, который ему весточку передал от Пророка, когда поправлял брезент?

– Помню, – нахмурился Карась. – Гнида. Прямо у меня под носом сработал. Я Сидорчука отправлял его искать, когда та история с Мельниковым приключилась. Помните?

– История… – Назаров зыркнул в Мишкину сторону раздраженным взглядом, – Как любопытно ты называешь убийство майора Главного Управления Контрразведки. Помним,

Карасев. Отлично помним.

Старлей скромно потупился и снова предпочел замолчать. Очевидно – сегодня начальство на взводе.

– Товарищ майор, разрешите я поясню? – спросил Котов. Дождался кивка от Сергея Ильича и продолжил. – Сидорчук тогда не зря съездил. Он у нас парень дотошный. Пробил по путевым листам и комендатуре. Выяснил. Все машины, которые той ночью привозили раненых с передовой, приписаны к одному месту. Автобат. Случайных не было. Ну и, как вы понимаете, быть не могло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.